

Женя Маркер

КУРСАНТЫ

ПУТЬ К ЗВЕЗДАМ

Женя Маркер

Курсанты: путь к звёздам

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8958653

ISBN 9785447404840

Аннотация

На страницах этой книги – неповторимый Ленинград под серыми облаками семидесятых годов XX века с милыми и дерзкими молодыми людьми, которые гуляют по Невскому проспекту... строе-вым шагом. После выпускного вечера юный лейтенант Таранов едет домой, и вспоминает свой путь к офицерским звездам: поступление в военное училище ПВО, знакомство с новыми друзьями, сложности армейской системы, сомнения и переживания во время учебы.

Содержание

Часть 1. Без вины виноватые	5
Глава I. Причиндальный блеск	5
Глава II. Абитура – не дура	19
Глава III. Случайный я здесь человек	31
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Курсанты: путь к звёздам

Женя Маркер

«Чтобы сделать правду правдоподобнее нужно непременно подмешать к ней лжи».

«Бесы». Ф. М. Достоевский

© Женя Маркер, 2015

© Женя Маркер, дизайн обложки, 2015

© Евгений Кащенко, иллюстрации, 2015

Корректор Геннадий Дерягин

Редактор Анна Котенёва

Благодарности

Олег Евдокимов

Игорь Пучков

Владимир Салуянов

Олег Гешев

Сергей Лемешев

Юрий Кваша

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. Без вины виноватые

Глава I. Причиндальный блеск

Торжественный ужин по случаю окончания военного училища закончился поздним вечером. После вручения лейтенантских погон и нагрудных ромбов о высшем образовании, дружная компания состоявшихся выпускников многочисленными тостами проводила свое курсантское прошлое в стенах известного ресторана северной столицы. Из груди лейтенантов рвались горячие признания беречь мужские дружбу и обещания не забывать «Альма-матер». С традиционным глотком на посошок и многократным звонким «Ура» компания покинула ресторан.

Много выдавшие стены «Астории» помнили, как здесь когда-то кутили Маяковский и Есенин, гуляла ленинградская фарца и бессменная партийная номенклатура. Сегодня к этому историческому списку присоединились молодые офицеры Ленинградского Высшего военно-политического училища Противовоздушной обороны, которое квартировало в областном поселке Горелово.

Еще утром вчерашние курсанты стояли по стойке смирно на плацу и получали из рук командиров красные, синие дипломы. В последних шеренгах украдкой читали строчки на тисненной гербовой бумаге, немного недоумевая, и удивляясь записи о полученной специальности «офицер с высшим образованием». Слушали, затаив дыхание, напутствие Бати – Стукалова Павла Ивановича – седого генерала, фронтовика, первого начальника училища, который не мог не по-

явиться перед строем. Он пару лет назад был уволен на заслуженную пенсию, но этот набор еще считал своим. Его уважали, им гордились и любили все: и первокурсники, и выпускники. Сегодня Батя был немногословен, но слова «честь», «долг», «любовь к Родине» и «верность Отчизне» произносил без налета пафоса и легкой иронии, которая часто сквозила в дежурных выступлениях старших офицеров.

Прощаясь со знаменем училища, маршируя перед курсантами младших курсов, очередной выпуск лейтенантов никак не мог поверить: учеба позади.

В ресторане все посматривали на Марка Дымского. Отличная учеба и примерная дисциплина взводного всезнайки – ходячей энциклопедии – никак не вязались с необычным застольным событием. Он удивил всех, кто был за торжественным столом. По кругу передавали огромный двухлитровый кубок с шампанским, где лежали металлические ромбики – знаки высшего образования. Каждый, кому кубок попадал в руки, произносил тост, благодарил отцов-командиров, друзей, преподавателей, родителей и делал глоток. Тостующие профессионалы не скупались в выражениях, старались говорить много, красиво и долго. По волнам армейской словесности к Марку кубок приплыл не скоро. Розовощекий лейтенант встал, заглянул на дно, и не просто долил, а влил в него полную бутылку. Оглядел насмешливым взглядом всех, с кем провел веселые и грустные дни учебы. Глубоко вздохнул, прокашлялся и, неожиданно для друзей,

коротко сказал:

– За Горелово!

Он выпил содержимое сосуда одним махом, казалось, одним огромным глотком. Вытер рукавом тоненькие ручейки, скатившиеся по губам, и передал кубок своему другу – Семену Таранову.

Бурные аплодисменты друзей однокашников, собравшихся в зале, удивлённо приветствовали мгновенно осоловевшие и блестящие радостью глаза боевого товарища, которого они никогда не видели пьяным. Послышались приветственные: «Ну, ты даешь!», «Круто, Марк!». А ресторанный герой артистично раскланялся, и одарил публику своей милой улыбкой. В общем смехе друзей едва был слышен его чуть картавый шепот:

– Сбылась школьная мечта пацана. Я – офицер! Папа будет рад.

С этой минуты все ждали, поведет поглотителя двух литров шампанского, упадет он, закачается или тихо сломается, а потом уйдет спать, как это не раз бывало с большинством его друзей. Марк только закусывал и смеялся, хитро подмигивая друзьям. Из ресторана он вышел бравым молодцом, как будто и не пил вовсе...

– Командовать парадом будешь ты! – Генка Бобрин ткнул указательным пальцем в живот, и уткнулся рыжей головой в грудь старшего брата. Громко втянул носом запах поношенного кителя и мужского пота, как будто понюхом за-

кусил стремленную рюмку. Выпуском на три года раньше Бобрин-старший успел получить очередное звание старшего лейтенанта, сменить две должности и послужить в десантном полку. Этому великану ростом в два метра, с атлетической комплекцией гренадера его императорского величества, руководить вчерашними курсантами было не просто легко, а даже забавно. Плотно обняв брата за плечи, он поставил его правофланговым в строй с тем расчетом, чтобы просто шагать рядом и поддержать в случае чего, захмелевшего выпускника.

Бобрин-старший привычно набрал полные легкие воздуха, оглянул небольшой строй и продолжил медленно, плавно, ожидая мощного ответного всплеска.

– Товарищи офицеры! Поздравляю вас с присвоением первого офицерского звания «лейтенант»! Два раскатистых, одно протяжное – «Ура!!!»

– Ура! Ура! Ура-а-а! – дружный хор из двадцати пяти молодых голосов лихо приветствовал командира стихийного парада. Бобрин-старший во весь голос командовал, а вчерашние курсанты под его руководством построились в колонну по три, повернули направо и двинулись по Невскому проспекту.

В знакомой сердцу тишине белых ночей, под огнями уличных фонарей, они печатали шаг примерно так же, как осенью ходили на памятном параде в честь годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Лейтенанты с удо-

вольствием и не раз кричали дружное «Ура». Отражались в витринах магазинов их погоны, переливались глянцем новенькие козырьки фуражек, сверкали звездочки, пуговицы и кокарды, перекликаясь отсветом со звездами ночного неба. Золотые офицерские ремни подчеркивали небрежность равенения в стою.

Было весело.

Банкетный задор помогал тянуть носки только вчера полученных с вещевого склада новеньких туфель. После тяжелых яловых сапог, каждый лейтенантский шаг пролетал с шиком и упоением. Нога впивалась в асфальт плотно, всей ступней, так, что ее след, казалось, должен быть запечатлен историей, как у голливудских кинозвезд. И армейское лихачество трогало редких прохожих. Штатские отпускали шуточки или махали рукой марширующему с песней взводу. И только те, кто успел прослужить в армии, знали какими долгими и мучительными тренировками, сбитыми в кровь ногами и стертymi десятки раз мозолями, дались курсантам красота и изящество, лоск и чистота линий великолепной строевой подготовки.

Встречавшиеся случайные прохожие приветливо улыбались неровному строю лейтенантов. Сестры, подруги и жены семенили своими дамскими шажками рядом, махали платочками, нежно подбадривали любимых, пытались идти с ними в ногу. Впереди всех бежал семилетний племянник Марка. Его детские сандалеты звонко шлепали по мостовой,

то отставая, то догоняя хромовый скрип новых офицерских сапог и кожаных туфель.

Мальчик высоко поднимал свои тоненькие ножки в коротких штанишках, постоянно оглядывался назад, и взглядом умолял: «Запевайте, ребята!»

Марк не выдержал первым. Не дожидаясь команды Бобринина старшего, он весело запел «Марусю» – строевую песню, которая не раз звучала на вечерних прогулках в училище. На свежем воздухе непременно хотелось петь, петь громко, и никто им этого не мог запретить. Все дружно подхватили припев, а лихой свист Семена Таранова разогнал местных голубей на крышах соседних домов.

У Исаакиевского собора перекуривали солдаты гарнизонного патруля, и исподлобья глядели на строй молодых лейтенантов с родственниками по краям. Возглавлявший патруль капитан искренне улыбнулся строю молодых офицеров, вспоминая свой давний выпуск, свою юность.

Вчерашние курсанты маршировали по главному проспекту северной столицы, отдавали честь Александрийскому столпу, символизирующему мощь русской армии, Исаакиевскому собору – крупнейшему православному храму Питера, зданию Адмиралтейства и Зимнему Дворцу Растрелли, без которых не было бы истории Отечества. Даже Гостиный двор, куда они бегали за сувенирами и подарками близким, лошади Клодта на каменном мосту через Фонтанку, любимые в увольнениях пельменную, кафе «Котлетная» и «Се-

вер», они не оставили без лихого приветственного «Ура!»

При приближении к каждому из них, громко звучала молодежата команда старшего лейтенанта Бобриня: «Равняйся!» Офицеры мгновенно, как по струнке, вытягивали свои шеи из новеньких парадных кителей цвета темной морской волны, и резко поворачивали головы с модно выгнутыми пружинами на фуражках. Уверенно печатая шаг, они прощались с удивительным городом, интеллигентными, скромными его жителями, очаровательными девушками и теплыми воспоминаниями молодости, дождливой погодой и вечно серым небом. Лучшие юные годы оставались позади, и никто не знал, что ждет каждого из выпускников в отдаленных гарнизонах, боевых точках ПВО¹, разбросанных мелким бисером по огромной карте СССР.

Машины в те годы на улицах можно было встретить так же редко, как сегодня паровозы на железной дороге. Поэтому строй уверенно шагал по проезжей части или уходил на тротуар при встрече с троллейбусами. Со строевыми песнями и криком «Ура», по силам поддерживая равнение, офицерская коробка медленно, но уверенно двигалась к своей основной цели – памятнику Петру Первому.

Памятный выпуск – точка отсчета офицерской службы. В каждом училище этот день отмечают с традиционными комичными шутками. Командование училищ, как правило,

¹ Типичные сокращения и сленговые выражения курсантов можно посмотреть в Приложении №1.

болезненно реагирует на лихие затеи юных лейтенантов. Ругают, наказывают, отправляют на гарнизонную гауптвахту, отчисляют из училища и отправляют в солдаты. Везде свои правила, и год за годом они поддерживаются: не может быть слава курсантская без ухарских замашек. Начистят, к примеру, гуталином сапоги у гипсового памятника так, что за километр они выделяются на белом фоне. Или нарисуют курсанты трафаретом очередную звезду (по числу лейтенантских выпусков) на макете фюзеляжа, крыле, корпусе, хвосте самолета или ракеты. Одни организуют самопальный салют, другие покрасят в необычный цвет плац, забор, скамейки.

Выпускники военно-морского училища имени Дзержинского, регулярно драили асидолом мужские причиндалы коню Медного всадника до ослепительного блеска. В этот год начальник училища объявил своим выпускникам, что ни один из них не получит диплом, и не убудет в отпуск до той поры, «пока яйца у коня снова не позеленеют!». Пришлось им применять все знания химии для срочного восстановления натурального цвета гениталий у памятника. Доложили адмиралу, он лично пришел на площадь, и проверил выполнение приказа, после чего соизволил выдать дипломы и отпускные документы флотским лейтенантам.

Те уехали, а на следующий день – выпуск гореловцев, которые решили поддержать добрые традиции флотских друзей, если моряки подверглись жесткой обструкции. За несколько шагов до известного памятника, прозвуч-

чала негромкая команда Бобрин-старшего: «Разойдись!» Шумная компания окружила известный всему миру шедевр французского мастера, скульптора Фальконе плотным кольцом. Пара кителей мелькнула крыльями летучих мышей у пьедестала Петра на коне в бледном небе северной столице, и... нужное дело было сотворено.

Они блистали, как бляхи первокурсников, и тешили окружающих своим контрастным золотом на фоне зелёного налёта вековой патины скульптуры – символа города, прежде и ныне Санкт-Петербурга, а в те дни Ленинграда.

Недалеко от разводного моста компания остановилась. Опираясь на массивные плиты гранитного парапета, курсанты грустно смотрели на тёмные воды Невы, которые, как и сотни лет назад, мерно и спокойно катились от Ладоги к Финскому заливу.

Все прощались.

Кто-то спешил домой на Васильевский остров, у кого-то уходил поезд или самолет в дальний гарнизон, кому-то надо было вернуться в родное училище. Молодые лейтенанты, сняв или расстегнув кителя, говорили прощальные слова друг другу. Крепко жали руки. Нежно обнимались. Их белые сорочки мелькали на фоне серой набережной, и были похожи на маленькие стройные яхты у видневшейся вдали пристани.

Еще раз они обменялись телефонами и адресами, уточнили округа и места службы, куда каждый попал по прика-

зу Министра Обороны СССР. В предписаниях, которые все получили, указывался только штаб округа или армии, куда следовало прибыть после отпуска, а там кадровики политотделов определяли конкретную должность и ее место на карте Родины.

Все знали, куда едут, но никто не предполагал, что ждет впереди. Где-то за месяц до этого события в очередном номере стенгазеты энтузиасты второго взвода пробовали дать прогноз, заглянув на пару десятков лет вперед. Но время показало зыбкость этих расчетов: ни одно предсказание не сбылось. Никто в те годы не мог предположить Афганскую войну, сбитый советским истребителем южнокорейской «Боинг», пролет Руста на Красную площадь, распад СССР.

Немного в стороне стояли и смотрели на своих офицеров молодые жены. Наброшенные им на плечи, кителя надёжно согревали их мужским теплом. Металлические звездочки на погонах бывших курсантов хороводом уносили свой блеск в предрассветное небо, увешанное мелкими и бледными северными звездами. Длинным был путь к лейтенантским погонам, трудным и важным этапом в жизни каждого офицера осталась учеба. Не все закончили четыре курса, только половина выпускников этого года дослужится до звания старшего офицера, а генералом в этом выпуске станет всего один. Но та дорога, что они прошли за четыре года, в памяти останется навсегда, и будет светить ярким маяком мужской дружбы, верности юношеским идеалам, воинской

чести и долга.

– Сбылась твоя мечта, Семен? Прошел по Невскому стрелевым?! – Генка обнял Таранова, и тут же вырисовался Марк, которого совсем не качало после выпитого, наоборот, он отхлебывал из полупустой бутылки. – Точно! Ты сливочного масла наелся перед рестораном...

– Почему в Москву не едешь? – Марк продолжал улыбаться.

– Распределили в учебку Варшавского договора. Я говорю: «Зачем? Бегать за Вооруженные силы на соревнованиях? Надолго меня хватит? Ребята через пять лет батальонами будут командовать, когда я роту не прошел? Не-а». Отказался...

– Когда мы теперь пересечемся... – Таранов грустно вздохнул. – Я поеду в Киевскую армию, ты – в Забайкалье, Марка на север ссылают.

Они стояли в кругу втроем, обнявшись и упираясь темечками. Генка крутил головой, стараясь вобрать в себя силы и энергию друзей. Ему предстояла самая длинная дорога.

– Когда-когда... Через десять лет в академии! И напишем книгу «Путь к звездам»! – Бутылка Дымского пошла по кругу, каждый сделал глоток.

Марка решили проводить до квартиры у Гостиного двора. Молодые пары, и тех, кто назначили свадьбы в ближайшие дни, влекло к простым разговорам, мечтам о будущем, планам на ближайшие дни. С ощущением взрослости и мерным

спокойствием, навеянным блеском звезд на погонах и шампанским в «Астории», они пошли по заснувшему городу.

Женщины приглашали к беседе мужчин. Каждую из них мучили будничные вопросы: «Где мы будем служить?», «Кем и как станем работать в удаленном гарнизоне?», «Что ждет на новом месте?», «Будет ли своя квартира?» Мужчины шли рядом, коротко отвечали на расспросы. Они прекрасно понимали важность бытовых проблем, сами переживали, а еще думали о личном составе, предстоящих взаимоотношениях с командирами, но предпочитали молчать. Каждый еще жил сиюминутным прощанием с друзьями и наивно верил, что служба сложится так, как рисовала богатая юношеская фантазия и писали учебники партийно-политической работы.

Все пожелали Марку с невестой спокойной ночи и потихоньку, пара за парой, стали расходиться по своим адресам. Семейство Бобриных отправилось в сторону проспекта Ветеранов на такси.. Несколько человек захотели кататься на пароходе по Неве. Тарановы решили вернуться в Горелово первой утренней электричкой. Свой короткий опыт семейной жизни их увлекал домой – на съемную квартиру. После нынешнего торжества и под впечатлением причиндального блеска Медного всадника, молодые пары спешили решать узко-семейные демографические задачи.

Под давно знакомый монотонный стук колес, молодой организм привычно быстро засыпал, и только теплый ветер

воспоминаний нежно ласкал цветные мужские сны с офицерскими звёздами на погонах...

Глава II. Абитура – не дура

Выпускник средней школы Семен Таранов приехал в ЛВВПУ ПВО в середине лета, и первое, что он увидел –

строевой плац училища. Со всех сторон его окружали трехэтажные корпуса, в одном из которых планировали разместить новый набор. Поговаривали, что первокурсникам достанется казарма старой постройки, желтое здание, что ближе к трибуне. Вокруг росли небольшие деревца, уютно соседствуя с наглядной агитацией – деревянными и металлическими щитами, где пестрели традиционные лозунги: «Наша цель – коммунизм!», «Да здравствует КПСС!», «Слава защитникам Отечества!» По всему периметру расположились стенды с рисунками солдат, выполняющих приемы с оружием и без него, а для большего эффекта в строевой подготовке в этом году установили зеркала в полный рост.

Напротив одного из них стоял в строю Таранов – среднего роста молодой человек с черными, чуть курчавыми волосами, аккуратными усиками над верхней губой – и смотрел на себя с легкой усмешкой. Но и она не красила его обыкновенное лицо с крупным носом и небольшими глазами, спрятанными под густыми бровями. Уши торчком, шея тонкая, острый кадык. Если состричь усы и шевелюру, то его можно совершенно не заметить в толпе одногодок-призывников, прибывших на курс молодого бойца. Тело, хоть и пропорциональное, но без ярко выраженных мускул, лицо в щетине, а руки настолько волосатые, что аккуратная «тещина дорожка» на его неширокой груди в расстегнутой рубашке кажется элегантным подарком природы, украшением невзрачной внешности рядового. Природа гадкого утёнка, в оперившей-

ся не по годам бурной заросли, была налицо.

Через несколько месяцев службы в военном училище нальются его бицепсы силой, поднимутся и округлятся плечи, подтянется торс, способный делать десятки подъемов переворотом, и обаятельный командный тенор обычного юноши станет соответствовать внешности настоящего курсанта – без пяти минут офицера. А пока он стоит в строю, чешет мизинцем правой руки свою макушку, и с улыбкой слушает рыжего младшего сержанта.

– Абитура отсеет всех тех, кто хочет занять чужое место в жизни. – Геннадий Бобрин шел мимо плотного строя семнадцатилетних парней, скрестив на спине руки. Его только утром назначили командовать взводом новичков, а впереди всех ждали экзамены, зачеты и мандатная комиссия, до которой еще надо было дойти. Бобрину самому предстояло пройти этот путь, но отличная работа с абитурой, как здесь называли гражданских ребят, могла дать лишние баллы при поступлении. – Я вам в этом помогу. Конкурс в училище -12 человек на место! Такое бывает только в МГУ и МГИМО. Теперь вот и у нас... Товарищ абитуриент!

Он остановился напротив улыбающегося парня, со взглядом в никуда.

– Я!

– Я, я... Фитиль от фонаря! Как звать? – в строю засмеялись.

– Семен Таранов! – бодро ответил тот, вспоминая, как

его учили на уроках гражданской обороны в школе и детско-юношеских военно-патриотических играх «Орленок» и «Зарница».

– О чем задумался? – Бобрин подошел вплотную, но смотрел дружелюбно. В веселых глазах младшего сержанта летали искристые дротики, и любому было видно, как ему хочется щелкнуть по носу молодого парня с тоненькой полоской черных усов над верхней губой.

– О мировой революции и электрификации всей страны!!! – в полный голос и уверенно ответил будущий курсант красивым голосом, так говорят дикторы на радио и телевидении. Они смотрели глаза в глаза и (показалось?) усатый подмигивал правым глазом.

– С юмором порядок. В сапогах не пропадешь! Сам откуда? – добродушно спросил Бобрин.

– С Черного моря! – отчеканил Семен, как будто ждал этого вопроса. – Из самой жемчужины...

– Смотри, как бы она не прицелкнула тебя, когда пролетишь на экзаменах.

– Щелкать – не летать.

– Говорить – как таранить! Будешь «Тараном», Таранов, – уверенно заключил младший сержант и взглянул вверх. На строй медленно стал крениться гнилой тополь в два обхвата. – Вольно! Разойдись!!!

Абитуриенты отскочили в стороны, а дерево плавно осело вниз, не задев никого рядом. Уборка древесной трухи, веток,

бычков от сигарет и папирос, газетных обрывков стало первым делом, с которым столкнулись поступающие этого года.

Семен приехал поступать в училище вместе с товарищем по двору и его отцом. Они прилетели в Питер пару дней назад, поселились в небольшой гостинице с удобствами в конце коридора, и целыми днями бродили по Ленинграду, восхищаясь красотой города, покупая горячие пирожки, и запиная их холодным пузырящимся лимонадом. Оба знали, что скоро их никто не выпустит за ворота КПП, и пока отец Марка обивает пороги кабинетов, друзья были предоставлены сами себе, удивляясь, как теплое южное море и знойный бриз быстро сменились нежными березками и седой матовостью северо-западного региона.

Таранов подал документы еще зимой в Киевское военно-морское училище. Неутешительный ответ пришел только неделю назад: решением мандатной комиссии его не приняли из-за тройки по математическому анализу, случайно осевшей в таблице по итогам первой четверти девятого класса. Было обидно учиться в физико-математической школе, закончить его без единой тройки, а провалиться из-за оценки по предмету, что изучают еще не в каждом университете.

Долго грустить времени не было, и сосед по подъезду – Марк – позвал его поступать в училище ПВО, что находилось в северной столице. «Почему бы не поехать с ним за компанию, – подумал выпускник десятого класса. Ему не хотелось служить в армии рядовым. – Скоро стукнет во-

семнадцать. Можно рискнуть. Не поступлю, так подам документы в Репинку,² в Питере каждый второй становится скульптором или художником...»

В этом городе двадцать лет назад мать Таранова училась в педагогическом институте имени Герцена, у нее остались прекрасные воспоминания юности, и она поддержала решение сына.

– Военным живется отлично. Зарплата большая. На пенсию выходят рано. А какая форма! Когда они идут по улице, все девочки заглядываются...

Марк давно мечтал стать военным в отличие от своего мещущего соседа, с которым они иногда пересекались в одном дворе. Внук военного кавалериста очень хотел походить на отца – подполковника, командира зенитно-ракетного дивизиона, отслужившего двадцать лет в Волгоградских степях. Сыну во сне снился черный бархатный околыш фуражки ракетчика, а Таранову с детства нравились голубые погоны. Они ему импонировали, потому что единение неба и моря в цвете петлиц якорьком запали в душу юному художнику-романтику. А может быть потому, что он родился в авиационном гарнизоне.

Поглядывая на солдат обеспечения учебного процесса и старшекурсников, гражданские ребята понимали: форму, которую любит Марк, им предстоит носить все четыре года.

² Ныне Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина

Только потом, при распределении кому-то повезет (Таранов в такие минуты мечтательно закрывал глаза!), и он вольется в авиацию ПВО, а остальные уйдут в зенитно-ракетные или радиотехнические войска.

Отец Марка лично передал документы парней заместителю председателя приемной комиссии училища. С командирской четкостью и уверенностью, он убедительно доказал придирчивому и скрупулезному кадровику, что его парни с юга страны должны сдать испытательные экзамены в нынешнем году, и добросовестно дождался положительного решения. Не совсем «удачное» время рождения сына (семнадцать лет Марку исполнялось только в сентябре) с опозданием на пару дней документов Таранова оказались преодолимым препятствием, и земляки влились в одну многонациональную команду абитуриентов. В группе они быстро перезнакомилась со всеми, кто приехал в поселок Горелово Ленинградской области практически из каждой союзной республики. Это было не сложно: в молодые годы советская страна снимала напряжение общения ровесников стандартами поведения и типовыми планами обучения в школах. Всего два телевизионных канала, и центральная печать варьировали сходной информацией на всех языках народов Советского Союза. Однако в первые дни близкие отношения не складывались у большинства из абитуриентов. По незамысловатой формулировке младшего сержанта Бобрин: «Если в этом году поступит мой товарищ, то могу

не поступить я!»

Один из тех, кто здесь был не впервые, рассказывал, как вышел на вторую попытку: «После школы я захотел поступить в ЛВВПУ ПВО. Отец одобрил, а этого для меня было достаточно. Поехал сам. Легко сдал экзамены, получив две четверки и пятерку. Думал, что все в порядке, но... неожиданно ввели балльную систему аттестатов. И я не добрал пол балла. Понимаю это, и принял бы, если бы ни еще одно НО. Со мной поступали три парня из Москвы, с которыми мы готовились вместе. Один получил две двойки и тройку, другой – одну двойку и две тройки, а третий – только тройки. Они поступили, а я – в пролете. У первого – дядя был маршал Савицкий, у второго папа – главный редактор журнала „Человек и закон“, третий папа – военный атташе в Венгрии. Этот жизненный урок я запомнил. На следующий год я, сын фронтовика, упертый телец, решил поступать из армии. И, теоретически, я обязан в этом году поступить!».

Не все принимали формулу Бобриня, в которую он и сам не очень верил, но дружеские ниточки между Марком, Семеном и Генкой стали расти именно в абитуре, а за годы курсантской службы переросли в крепкую мужскую дружбу.

Чаще всего камнем преткновения при поступлении в училище назывались экзамены по физической подготовке для «умных», и по математике – для «спортивных» ребят. Подавляющее большинство тех и других усердно занималось на перекладине, пытаясь выполнить нормативы, бега-

ли кроссы на утренней зарядке, сидели с учебниками, штудировав вопросы предстоящего экзаменационного предмета. В это же время они стояли дневальными у тумбочки в пункте сбора, чистили картошку для обедов тысячной армии абитуриентов, бегали посыльными, выполняли наряды на работу, которые отменил Дисциплинарный Устав 1975 года. Некоторые юноши уже на этом этапе ясно понимали, что армия – не их дело, другие почувствовали непосильную нагрузку и пытались увильнуть, старались подальше спрятаться, «демонстративно сачковали», как говорил про них Генка.

Литература, география и физкультура не вызвали у Таранова проблем; по каждому предмету он получил отличные отметки, и к математике, от которой дрожал даже Марк – золотой медалист, готовился вскользь по простой причине – последний выпускной экзамен в школе он проходил по этому предмету три недели назад, а два года в физико-математическом классе и победы на городских олимпиадах служили хорошей базой для отличной сдачи. Ему больше приходилось помогать товарищам, рассказывая Генке дифференциалы и интегралы, чем самому заглядывать в основы геометрии или алгебры.

Гражданским персоналом в училище укомплектовывались все гуманитарные кафедры, на которых женщины, в основном бальзаковского возраста, преподавали курсантам иностранный язык и читали курсы русской, советской и зарубежной литературы. Все они, как на подбор, были незамуж-

ними, многие курили даже в процессе чтения своих лекций и на зачётах, и все безумно любили свой предмет. Много будущих отличников и командиров «пострадали за Лермонтова, Островского и Маяковского». Существовала легенда, что «литераторш» на экзамене, в случае получения неудобного билета, следовало «ввести в экстаз». Вошел в историю учителя один из курсантов, который отвечал на вопрос по произведению А. Фурманова «Чапаев». В памяти, кроме одноименного художественного фильма, у него лежало только несколько стихотворений любимой девушке и басня Крылова «Стрекоза и муравей». Поэтому при ответе он вскочил из-за парты, взмахнул линейкой, как чапаевской шашкой, и уверенно закричал: «Василий Иванович в папахе и черной бурке скачет на белом коне! Громко зовет за собой бойцов командным голосом: «За мной! Слава революции! За мировой интернационал!» В экстаз он ввел своим ответом курсового офицера, а «литераторшу» – в слёзы. В результате оценку по литературе получил соответствующую.

В математике не командовала, а царствовала Тамара Максимовна Шульгина. Эту замечательную женщину любили все курсанты. Спокойная, высокая, чуть полная, отчего казалась царственно-величавой, напоминающей Екатерину Великую, она вызывала трепет у тех, кто дальше арифметики начальных классов ничего не знал, но верил в ее справедливость и рассудительность.

Таранов получил билет, сел готовиться, и в положенное

время его пригласили к доске. Решать уравнения нестандартно, интересным путем его учил в школе Арон Израилевич Глузкатер – маэстро математики. Все его выпускники поступали в высшие учебные заведения страны с первого раза, причем на физико-математические факультеты. У него учиться – роскошь, которую мог себе позволить не каждый. Именно он и поставил ту тройку, что помешала Семену стать военным моряком. Но совсем другое дело – сдавать экзамен в военном училище. Шульгина с нескрываемым удивлением смотрела, как элементарную задачу можно решить с применением дифференциалов, о которых она будет рассказывать лишь во втором семестре. Она убрала очки на лоб, и внимательно посмотрела на самоуверенного мальчишку.

– Молодой человек, нельзя ли проще найти решение? – мило спросила она, чем поставила в тупик Таранова. Спокойный, но строгий вопрос предполагал, что Семен идет не тем путем, что от него ждут. Он стушевался. Просидел минут 10—15 в поисках верного решения, морщил лоб, напрягал память, но неправильный ход его мыслей в первой попытке существенно тормозил.

Тамара Максимовна не спешила, посмотрела его личное дело, посоветовалась с ответственным офицером, и пригласила повторить попытку. На все дополнительные вопросы Таранов отвечал достойно, со знанием дела. Она пыталась абитуриента по программе института, так как быстро поняла его хорошую школьную подготовку, но также видела, как па-

рень хромает в элементарных вещах. – Политработник обязан уметь не только подсчитывать личный состав, но и владеть элементарной математикой. На общем фоне поступающих я оцениваю вас «отлично», но за этот экзамен ставлю «хорошо». Ждите мандатной комиссии!

Таранову с единственной четверкой по математике жилось спокойнее большинства абитуриентов. С таким баллом, как у него, оказалось не много претендентов в гонке за проходным баллом. Элементарный подсчет, который проповедовала Шульгина, говорил, что ему и тройки хватило бы для прохождения к следующему этапу. Эта пропорция 3:4 в тот год почему-то встречалась часто. Выпускной аттестат в школе был в этом соотношении, вступительные экзамены в училище – тоже, даже количество знакомых абитуриентов, из числа тех, кто прорвался сквозь сито отбора, и поступил в этот год из его группы, составляло 0,75.

Глава III. Случайный я здесь человек

В бледно-голубом ленинградском небе бродили темно-серые кучевые облака, собирая огромными пригоршнями оче-

редную непогоду. Высоко над головой шустрый стриж выписывал замысловатые геометрические фигуры в поиске своего обеденного счастья. Будущий курсант Ленинградского военно-политического училища зажмурил глаза и представил себя офицером войск ПВО страны.

Не получилось.

Вокруг радостно ходили старшекурсники и абитуриенты-счастливчики с нужным количеством баллов, бегали и суетились те, кому не хватило балла-полутора. Они надеялись на чудо или знакомых полковников и генералов, которые по-дружески могли «воздействовать» на членов приемной комиссии.

«Позвоночников» я не замечаю, как класс, – говорил Таранов о таких «блатных» курсантах. – Если я все сам сделаю в два раза лучше, то никакой блат никому не поможет перешагнуть через меня.

У него существовала твердая уверенность в том, что главное – самому сделать работу на отлично, чем выпрашивать бонусы при удовлетворительной оценке. Переубедить его было сложно в силу природного упрямства, и кличка Таран приклеилась, как этикетка к спичечному коробку.

Это брежневское время покоя для всей страны, совсем не казалось застойным болотом Таранову. Он не замечал исправно существовавшее правило «ты – мне, я – тебе», искренне верил в коммунистические идеалы, хотел «носить кожаную куртку комиссара, как в гражданскую войну», и ве-

рил в искренность и порядочность окружающих людей. Идеализм как свойство его, пусть упрямой, но еще мягкой и податливой натуры, цвел буйным цветом у несовершеннолетнего парня, а мысли вращались вокруг комсомольских дел и симпатичных девушек. Его интересовали спортивные мероприятия, произведения искусства и обычная художественная самодеятельность. Приемная комиссия оценила его работу в пионерской дружине школы, спортивные разряды по гимнастике и волейболу, первую степень ГТО, выступления на театральной сцене, умение хорошо рисовать и писать красивым почерком. В училище ценились подобные «ярлычки», которые превращались в красные галочки у членов мандатной комиссии по ходу изучения автобиографии претендента.

Но желание учиться именно в ЛВВПУ ПВО у Таранова внезапно пропало сразу после вступительных экзаменов. Он смотрел вокруг и размышлял: «Может, ну ее эту армию?! Случайный я здесь человек... И чье-то место занимаю...» Эти мысли настойчиво лезли в голову тогда, когда он видел слезы на глазах очередного парня, пакующего чемодан.

Математику по первому образованию, точнее «оператору-программисту ЭВМ третьего разряда», скорее всего, хотелось доказать себе, что он может попасть в училище с первого раза. Главное, ему перешагнуть соотношение поступивших и не принятых, которое в тот год выглядело очень солидно: как 1 к 12. Он хотел доказать себе, что он – один

из той дюжины, и может пробиться с первого раза, обогнав в заезде тех, кто отчаянно рвется к финишу.

Чем-то эта гонка напоминала предыдущие олимпиады или соревнования по легкой атлетике, где Таранов редко приходил к финишу первым. Он никогда не становился абсолютным победителем, не занимал первые места, но в тройке сильнейших или в команде лучших оказывался постоянно. «Ему ближе коллективное, а личное – потом! Пусть идет в общественную работу, – сказал как-то папа, пародируя известную песенку «первым делом самолеты». В хрущевскую оттепель начала шестидесятых годов отца Семена уволили в запас в звании капитана авиации в числе того самого миллиона военнослужащих, которые в одночасье стали безработными, и начали с нуля обустривать свою жизнь.

Еще один минус нарисовал себе Семен, когда обнаружил, что училище оказалось не в центре Ленинграда, как ему хотелось, а в поселке, куда с Балтийского вокзала шли электрички. Плюс ко всему, от платформы еще надо шагать километр до КПП.

Слезы ребят, покидающих палаточный лагерь, их предположения, что «на следующий год приеду, и точно поступлю», его трогали, но не мешали идти до конца в обозначившейся «гонке за лидером». Этот спортивный термин ему пришелся по душе, когда Марк набрал двадцать пять баллов из двадцати пяти возможных (золотого медалиста со школы пустили по большому кругу потому, что возраст не соответство-

вал требованиям для поступления), Генка – двадцать два, а он – 23,75. Получалось, что Семен наступал на пятки соседу по дому, с которым был прежде только шапочно знаком, а за ними уверенно несся веселый младший сержант с серьезным армейским отставанием в знаниях, но невероятной потенцией. Что будет, когда они поступят?

После оглашения итогов приемной комиссии о зачислении на первый курс, в строю рядом с друзьями у Таранова мелькнуло: «Если бы по какой-то причине мне предложили иное место учебы, или армейскую службу (например, в элитных войсках) солдатом, я покинул бы стены гореловского училища без сожаления». И тут же тихонечко выплыла, а потом отчаянно засвербила буравчиком в голове отчаянная идея о том, что это поступление – его судьба. Как в той узкой колее, в которую раз попав, уже не вылезешь, он будет здесь барахтаться до самого выпуска...

– Пророческие мысли возникают в экстремальной и сверхэмоциональной ситуации, – отреагировал позже на это заявление Бобрин, и Таранову не раз еще пришлось согласиться с другом.

На курсе молодого бойца почти через месяц с начала службы, весь во внеочередных нарядах, Семен понял, что солдатская служба – далеко не подарок судьбы, и вырваться за высокий забор с колючей проволокой невозможно. Он погнался за призрачным лидерством, как в пионерском лагере, и мягко увяз под советскими законами и нелепым временем.

Не учел, что армия – не песочница: забрать свой совочек с ведерком, и по-тихому уйти домой не получится. Вспомнил, как мечтал об элитных войсках, и понял бесперспективность этой затеи. В училище уже появились друзья, скоро состоится присяга, там начнутся увольнения, каникулы домой обещают каждые полгода. А в армии? «От забора до упора ты служить два года!», – говорил Бобрин, который в школе жизни и воспитания успел послужить 418 дней и ночей.

В первые свои каникулы на зимней встрече выпускников математической школы Семен это понял бесповоротно, и немного сожалел, что учителя с ним холодны. «Мы столько в тебя вложили, чтобы ты служил в армии?!» – удивленно сказала биологичка, и... перестала здороваться. Одноклассники крутили пальцем у виска, хотя многие понимали: такой у парня выбор.

Марк первым узнал и поделился с другом, что единственный способ безболезненно расстаться с училищем после принятия присяги – попасть в психиатрическую больницу.

Таранову не хотелось вырываться из своей колеи психом. Медленно, с надрывом, ему пришлось выполнять все то, что требовали воинские уставы и наставления, советовали друзья и родители, предлагали командиры и политработники...

Тех, кто выбрал «психпуть» на курсе оказалось несколько человек. Болезни души бывают настолько разными, что не каждый психиатр в состоянии их понять. Не то, что вылечить. Так, один из курсантов в дивизионе ночами ходил

босиком по спинкам кроватей или «собирал ромашки» под койками в казарме. Другой курсант в ходе получасовой передачи «Время», которую смотрел весь личный состав подразделений, за исключением внутреннего наряда, конспектировал речи ведущих ТВ и всех героев экрана. Мало того, страница за страницей он конспектировал подряд все тома полного собрания сочинений В. И. Ленина. Служба у него закончилась плачевно: его забрали у консульского отдела США, куда он нес четыре засаленные 96-листовые тетради с собственным научным трудом «Язвы социализма».

По вечерам пел напевы радио Морзе бывший радист, с забавной кличкой Муха. Он напевал ежедневно звуки морзянки для поддержания памяти и своего боевого духа, а вечерами регулярно шептал вполголоса Таранову: «Петя-петушок; Петя-петушок»; «Я-на-речку-шла; Я-на-речку-шла». Эти и другие музыкальные напевы определяли не только число точек и тире в буквах, но и служили необычной колыбельной товарищам по взводу.

Когда Муху положили в психиатрическую больницу, Семен с Марком – сослуживцы по отделению – вместе пошли проведать товарища. Была удивительной встреча с лечащим врачом, которого без халата, оказалось, сложно отличить от больного; напрягла беседа с главным психиатром, который вызвал приступ дикого страха, и курсантам захотелось покинуть это заведение, как можно быстрее. Еще бы! Каждая дверь запирается на ключи после очередного посетителя,

а Муха с диким блеском в глазах от «чудо-лекарств» рассказывает, как ему удается аккуратно клеить маленькие и большие картонные коробочки для тортов...

Оставив больничные покои, Дымский уехал к тётке, а Таранов ещё долго ходил по питерским улицам. Размышления бросали его из стороны в сторону, но ответа на свои внутренние вопросы он не находил. Задумывался, и в ту же минуту отвлекался на замечательные архитектурные сооружения города на Неве. Возвращался к дилемме «служить – не служить», и проходил десятки раз туда-обратно через Фонтанку. Упивался красотой каждого из коней Клодта, подолгу стоял на львином мостике, и смотрел на сказочные оскалы позолоченных царей зверей.

Противоречия взрослой жизни на каждом шагу сталкивали его с очевидным враньем солидных и ответственных людей. Он явственно начинал понимать, что те, кто называли себя членами партии КПСС и занимали серьезные посты, очень часто не соответствовали должностям. Но эти люди руководили, командовали, управляли. Их слушали, им подчинялись. На возражения молодого курсанта командиры и политработники находили замечательные веские доводы, а юноша не мог возразить.

Его резкие выпады «не хочу!» или «не буду!», без аргументов в защиту своей позиции – скорее проявления банального протеста и обостренного чувства справедливости толкали его под бульдозер армейской действительности из прав-

ды и лжи, которым всегда управляют старшие по званию. Отличать демагогию от убедительного дискурса он научился не сразу, а уверенность в своих силах приобрел лишь тогда, когда покинул курсантские ряды. Но это произошло ох, как не скоро...

Грустное зрелище психиатрического отделения больницы, куда поместили сослуживца, лишний раз напомнило Таранову, что система создает все возможное для управления недовольными, бесшабашными, бестолковыми и... сильными. Тогда-то и мелькнула чья-то реплика о том, что легче всего управлять беззащитными и слабыми, для которых подчинение – способ выжить. А от умных лучше всего избавляться тихо, без суеты, и на законных основаниях. Время показало, что так оно и есть.

Муха, кстати, после увольнения из училища по болезни и выписки из психиатрической больницы, долгие годы работал в белорусском колхозе, со временем стал его председателем. «Ботаник», что собирал ромашки под койками, поступил в Ленинградский государственный университет, учился на философском факультете, пару раз приезжал общаться с товарищами по службе, а позже эмигрировал в Америку, повторяя, что «Дурка» – это место отклонения от призыва в армию.

А курсанты чаще читали слова: «Служба в армии – конституционный долг каждого советского мужчины». Этот лозунг висел в военкоматах и воинских частях, государствен-

ных учреждениях и печатался в обычных боевых листках. В те годы было немного людей, способных пройти нелегкий путь психически больного, только бы уйти от двухлетней солдатской службы. Чаще шли общим строем, с равнением на правофланговых.

«Дурдом – не для меня», – в конце концов сказал себе Семен, и принял окончательное решение учиться, примерно представляя, что ждет впереди.

Ходить в строю, есть одновременно со всеми за 20 минут, не спать по ночам в наряде, часами чистить тонны картошки, драить сапоги и бляхи до блеска, ежедневно подшивать подворотнички он учился изо дня в день весь август. Рядом с Тарановым на койках в огромной казарме, предстояло служить не только бывшим абитуриентам, но и суворовцам, которые шли вне конкурса, солдатам срочной службы, пробившимся по отдельной разнарядке. В итоге, на одной территории в сотню человек оказались подростки в возрасте от 16 лет, как у Марка, чей день рождения наступил за неделю до принятия присяги, и двадцатилетние мужчины, как Генка Бобрин.

Разные взгляды на жизнь, предшествующий опыт, семейное воспитание, национальные взгляды, уровень эрудиции – все ушло на второй план, когда они переоделись в армейскую форму и постриглись наголо.

Вышло так, что старшина протянул Семену машинку для стрижки волос, и попросил постричь его «под Котовского».

Дело оказалось не сложным, и за вечер три десятка однокурсников оставили на полу под руками доморощенного парикмахера свои кудри, челки, перхоть, а некоторые – и свои домашние гниды.

Вечером Таранов стоял в строю, и оглядывал соседей, таких же, как он, одинаковых, в не по росту подогнанных галифе и гимнастерках. Нахлобученные пилотки соскальзывали с гладковыбритых голов на пол, где попадали под огромные не по размеру сапоги с торчащими из-за голенищ портянками. В удивленных его глазах светилось подлинное недоумение: «Где я? Что с нами стало в один момент? Почему никого не узнать в форме? Зеленые крокодилы какие-то...» Но в то же мгновение жесткий удар между носками сапог собственным кирзачом замкомвзвода вывел Семена из ступора.

– Пятки вместе, носки врозь! – гаркнул сержант голосом настоящего фельдфебеля. Таранов посмотрел сверху вниз на этого неприятного типа, невысокого, зубастого, с выпученными от природы глазами, который требовал выполнения своей команды с диким остервенением.

– Есть, товарищ сержант!.. А спокойнее можно?!

– Можно Машку на гражданке, а в армии говорят «разрешите»! Два наряда вне очереди за разговоры в строю!...

Со временем все курсанты привыкли к этой «наполеоновской» форме обращения, когда мелкий, но въедливый однокурсник пытается прыгнуть выше себя, опираясь на плечи

остальных. В альбоме на последнем курсе училища сержант так и предстал в виде карикатуры «Наполеончика на барабанчике».

Но тогда, на первых построениях было очень обидно: на тебя орут, бьют по сапогам, отдирают плохо подшитый подворотничок, а надо все воспринимать безропотно. Естественное желание возмутиться и доказать, что мужчине следует стоять, когда пятки и носки обуви вместе, пилотку удобнее носить прямо, а не на боку, воротничок лучше подшивать на сантиметр выше, напоминая себя в гусарском мундире, упиралось в жесткое: «Молчать! Не разговаривать в строю!» И только потом, в жалобах и обсуждениях с такими же расстроенными собратями по наряду, отмывая полы в казарме, драя унитаза в туалете, при ночной чистке картошки на кухне, можно было найти ответы на эти наивные вопросы у друзей.

Так принято. Так положено.

В Воинских Уставах и наставлениях прописан каждый шаг человека в сапогах. Вся «молодежь» возмущается, а потом привыкает, или продолжает получать наряды вне очереди. Если и они им не помогают, то добавляются душещипательные беседы политработников.

Гораздо сложнее было «армейцам» – тем, кто прибыл с действительной военной службы и чувствовал себя старше ребят с гражданки. Разница в полтора года, год и больше была довольно существенна, а опыт службы в войсках прино-

сил особое отношение к тем, кто не нюхал пороха. На первых порах желание разделить обязанности, сбросить грязную работу на молодых, поставить их вместо себя в наряд, казалось курсантам-армейцам нормальной тактикой поведения. Однако первые же учебные занятия показали, что вчерашние десятиклассники лучше помнят школьный материал, могут проконсультировать, подсказать и прийти на помощь, а кое-кто, молча дать сдачи наиболее навязчивым или наглым.

Мало-помалу ситуация выровнялась во взводе и в батаре, появились первые проявления братства, землячества, товарищества. Легкие и добрые отношения Генки с Марком и Семеном стали тому примером. Ценить мужскую дружбу каждый из них умел, и по книгам знал, что тяготы и невзгоды армейской службы легче переносятся с друзьями. Некоторым командирам и сержантам приходилось держать некую искусственную дистанцию, уходить от панибратства, отгораживать себя невидимой внешне стеной от подчиненных: так им легче командовалось...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.